

Пролог

*Печален был взгляд
Прекрасной Елены.
Хоть сладко пел бард,
Но темные тени ложатся на клетку...
Подбрось же монетку!
Удача забыта здесь и сейчас,
Тиран отдает последний приказ...*

Стихи забытого поэта Таррвани

Александра

— Александра, наш проект наконец-то завершен, и это целиком твоя заслуга. Ты рада, да? Вне себя от счастья? — воскликнула моя подруга, энергично жестикулируя. Полы ее плаща взметнулись вместе с руками, на мгновение приоткрыв песочного цвета юбку.

Я стояла в тени прихожей, прислонившись к дверному косяку.

— Здорово-здорово. Рада. Но мне нужно выспаться.

— Какой сон? Клуб сам себя не зажжет, — сказала Асира и громко рассмеялась.

Нестерпимо хотелось захлопнуть дверь, чтобы отгородиться от разговора, но привычная тактичность не позволяла это-

го сделать. Я чудовищно устала, и моим единственным желанием было просто закрыть глаза и уснуть.

Ей же только и нужен был повод для очередного «празднования» в клубе. Асира была эффектной платиновой блондинкой с острыми скулами и пухлыми алыми губами. И она прекрасно знала о своей привлекательности, так что еженедельные походы в клубы превращались в охоту за восхищенными взглядами, где жертва была обречена с самого начала. За чарующей внешностью скрывались острый ум и отточенный бизнес-маркетингом язык. Ни одна цель не уходила от Асиры без убеждения, что их разговор продолжится завтра или послезавтра в приватной обстановке.

Подруга на выходе из клуба бросала поклонника в ЧС и рвала бумажки с номерами телефонов, объясняя это «чисто спортивным интересом».

Я устало улыбнулась и помассировала виски.

— Хотя, знаешь, как-то бледновато твое лицо. Ну-ка, шагни на свет.

Она наконец обратила внимание *на меня*. Несколько секунд смотрела с прищуром, а потом сказала:

— Иди сюда.

Асира схватила меня за руку и вытянула наружу. Я поморщилась от света голой лампочки.

— Да, тебе действительно лучше сегодня остаться дома и отдохнуть... — задумчиво произнесла Асира. — Я думала, что зеленый оттенок кожи мне показался. Но эти черные фронтменовские круги никак не красят тебя, милая.

Я вздохнула:

— Да.

— Ладно, буду праздновать без тебя, — расстроено протянула она. И добавила: — Отдыхай!

Я со спокойной совестью закрыла дверь. Совершенно одна в четырех стенах, которые годами служили защитой

от любых внешних бурь. Эмоциональных, физических — неважно.

Усталость вновь дала о себе знать ударами в висках. Я опять потеряла лицо и побрела в комнату.

У меня все хорошо.

Я прожила в этом месте много лет, но никогда не чувствовала себя нужной ни здесь, ни где-либо еще. Не чувствовала дом.

У меня все хорошо.

Я быстро переоделась в пижаму, легла в кровать и машинально включила фильм ужасов на планшете. Накатила томящая, обволакивающая усталость. Спустя несколько мгновений мои веки начали слипаться, а потом я и вовсе погрузилась в глубокий сон.

Но, как оказалось, ненадолго.

Меня в который раз разбудило смутное ощущение пустоты, живущее со мной уже много лет.

Это может показаться полным безумием — почти половину жизни прожить с ощущением потери. При этом у меня никогда не было серьезных романов и никто не разбивал мне сердце.

Но я *знала*, что значит потерять любимого человека.

Это чувство появилось внезапно, когда мне было тринадцать лет. Как будто я до боли любила кого-то, скучала по нему, и все внутри ныло, сжимаясь в тугую пружину. Вот только найти этого человека было невозможно.

В остальном все в моей жизни складывалось не так уж и плохо. Даже хорошо: любимая работа, верные друзья... Все как у всех. Но эта пустота не отступала и словно пожирала меня изнутри.

Я даже решилась на абсурдный шаг — сходить к гадалке. И как только я села напротив женщины, она, к моему удивлению, сразу затараторила:

— Завидую твоей любви, счастливица! Красивый, сильный, а как он тебя любит... Такая любовь случается раз в тысячу лет, поверь мне, я-то знаю.

Гадалка подробно описала моего «возлюбленного» и сказала, что он очень властный и влиятельный человек. Напоследок она взяла меня за руку и проговорила:

— Вижу, вижу, как вы тоскуете друг по другу, вижу, как он убивается от горя. Но ты не переживай, скоро ваша разлука закончится, скоро вы будете вместе, точно тебе говорю!

Этого «красивого, сильного» просто не существовало в моей жизни. Безумие. Только зря потратила деньги.

Хотя чего я вообще ожидала-то?

Но тоска после того дня накатывала все чаще и сильнее. Тогда я поняла, что отдала бы все на свете, чтобы провести с этим человеком хотя бы день.

Эта боль пожирала меня каждую ночь. Я старалась не думать, отвлекаться любым способом. Даже самым странным. Но потом все стало настолько невыносимым и почти физически ощутимым, что я поняла — мне нужно встретиться со специалистами.

Походы к психологу, а следом и к психиатру не принесли никакого эффекта. Врачи только разводили руками и предлагали снижать тревожность таблетками. Но они не понимали, откуда у меня остальные симптомы: по всем их показателям я была «вполне здорова».

Но как я могла быть здорова, если плакала и тосковала по человеку, которого не существовало?

Выписанный рецепт так и остался лежать в сумке.

Я вновь ощутила отчаяние, прокручивая в голове дурные мысли. Почему это происходит со мной? Я проклята? Или просто потихоньку схожу с ума...

Ощущение чьих-то теплых объятий внезапно вывело меня из тяжелых раздумий.

Я замерла.

Это происходило каждый раз, когда мне нужна была поддержка. Когда я не могла выносить происходящее. Когда отчаяние накрывало меня с головой.

Рядом всегда появлялась тень.

И в этот раз я ощутила тяжесть рук, хотя мгновение назад была абсолютно одна.

Я заставила себя опустить голову. И от увиденного у меня на мгновение перехватило дыхание.

Рука. Она реальна.

Красивая, будто выточенная из камня. С выступающими венами и татуировкой. Черные пальцы напоминали корни деревьев, и дальше деревья эти, уже искусно изображенные, густым лесом тянулись вверх, до самого локтя. Но среди них было что-

то еще. Хотя нет... это был *кто-то*. Красивая девушка с длинными волосами. Я всматривалась в ее глаза, в ее позу, руки, и чем дольше я смотрела, тем больше узнавала в ней... себя.

Другая прическа, и выглядит немного постарше, но это определенно я.

В горле резко пересохло. Я зажмурилась, а потом распахнула глаза. Надо покончить с этим безумием.

Но все пропало, как только я повернула голову: ощущение руки на моей талии мгновенно исчезло. Тени как не бывало.

— Боже, я действительно схожу с ума! — прошептала я.

Где-то на улице просигналила машина. По окну тихо забарабанили капли дождя.

Никто мне так и не ответил.

Глава 1

Ничего, мои дорогие друзья, нет слаще родного воздуха. Леса, лежащие за границей Тирунгских гор, поражают своим величием и красотой. И там же начинаются владения одного из знаменитейших домов Таррвании — дома Азалиэс.

*Керрик, главный армиртор Бастарии.
«Хроники Таррвании», том X*

Александр

Прошло уже пять дней. Пять дней в нестерпимой духоте, вони и тряске. Каждую секунду накатывала тошнота, и казалось, что меня вот-вот вывернет от мерзкого запаха, стоявшего в воздухе.

В голове вязко ворочался туман. Приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы сделать самое простое движение, хотя я никогда не считал себя хляком.

Два раза в день к нам заходили похитители. Молчаливые, с военной выправкой. Они изредка общались между собой на каком-то языке. Я изо всех сил напрягал слух, стараясь понять их. Но тщетно. Их язык, странная смесь певуче-гор-тан-ных звуков, был совершенно мне незнаком. Похитители приходили на рассвете и на закате: поправляли масляную лампу, которая все это время служила для нас единственным

источником света, и грубо, будто считая нас за диких животных, швыряли миски с едой и водой.

Никто из сидящих не задерживался взглядом на похитителях дольше пяти секунд. Лишь раз я попытался внимательнее рассмотреть лицо одного из них, проходящего мимо меня. Но стоило мне поднять голову, как тут же в челюсть прилетел удар тяжелым ботинком. Крик я сдержал, но к следующему утру челюсть опухла и посинела, так что даже легкое прикосновение причиняло боль.

Для этого места нас было слишком много — около десяти человек. Слева, скрючившись, сидел худой парнишка и что-то невнятно бормотал. Беднягу постоянно выворачивало наизнанку. Когда похитители заходили, они неизменно показывали на нас, с насмешкой обсуждая что-то.

Сидящий справа парень пытался разговаривать со мной на другом языке, будто на французском. Он был рыжим и широкоплечим, а круглые очки придавали ему умный, но в то же время простодушный и дружелюбный вид. Его кудрявые волосы выбились из-под шапки и слиплись от пота, взгляд метался от стенки к стенке, но в целом он сохранял спокойствие.

Но я ничего не мог ответить ему: мы не знали языка друг друга.

Объяснение жестами выходило неуклюже, и мы оставили эти попытки.

Но я и не стремился к общению.

За дни, проведенные здесь, я успел подумать о многом. Почему все так случилось? Где я свернул не туда? Но важно было не это. Главное — Кира, с которой меня разлучили и которая едет где-то рядом в другом грузовике. Мне хотелось надеяться, что сейчас с ней все хорошо. Но, судя по тому, что творилось вокруг... сомнительно, что ей сейчас лучше.

В приюте нас с малых лет учили приспособливаться к окружающему миру. И я прекрасно освоил этот навык: мило улыбайся, веди себя прилежно, показывай себя лучшим на спортивных соревнованиях, «ты ведь мечтаешь о том, чтобы тебя забрали в семью?».

Увы, мечта не сбылась.

Зато у меня была Кира. Мой самый родной человек. С одиннадцати лет — как только она появилась в приюте — мы стали неразлучны. Она сразу привлекла мое внимание: копна рыжих кудрей, смешной курносый нос, веснушки и этот взгляд... Теплый. Родной.

Мы не отходили друг от друга ни на шаг, всегда все делали вместе. Сначала мы просто дружили. Я чувствовал ответственность и всегда оберегал ее. Наша привязанность со временем становилась сильнее и сильнее, дружеские чувства вскоре переросли в нечто большее — я предложил ей встречаться.

Мы были разными: темперамент, привычки, любимое блюдо, тысячи мелочей! Но даже на самые безумные мои идеи она неизменно отвечала «да».

Кира всегда была рядом. Мы доверяли друг другу все. Редкие моменты разлуки переживались болезненно, особенно Киной: она звонила чуть ли не каждый час, чтобы узнать, где я.

В тот день я, как обычно, вышел с тренировки и направился на парковку встретиться с Киной. Еще издали я увидел ее возле машины в окружении каких-то незнакомцев.

Высокие, крепкие ребята в странной форме.

Я ускорила шаг. Кроме нас, на парковке не было ни души. Кира спорила и кричала им что-то. И вдруг один из них резко вогнал в ее шею шприц. Кира моментально обмякла в его руках. Не задумываясь, я рванул с места. И численностью, и силой противники явно меня превосходили. Да и сама ситуация... Но бросить беззащитную Киру? Нет.

Дрался я всегда хорошо. Однако, пять против одного... Пара минут боя, и затем меня вырубил со спины. Последнее, что я увидел, — они хватают Киру на руки и...

Очнулся я уже в грузовике.

С тех пор прошло пять долгих, изматывающих дней. Все, что я видел, — это железные стены. Духота, вонь, мрак. Тело разбито, мысли медленно ползают в голове. Остальные выглядят не лучше. Стоит отупляющая духота, и лишь дважды в сутки становилось чуть легче: когда похитители на короткие мгновения появлялись и приносили нам еду, впуская через открытые двери немного свежего воздуха.

И вот они вновь зашли к нам на рассвете. Я смог украдкой, не поднимая головы, рассмотреть их.

На губах первого похитителя играла мерзкая ухмылка, темные волосы зачесаны назад, грубовато-пошлые черты лица и безэмоциональный, непроницаемый взгляд. В руках папка. И когда он перелистнул страницу, вычеркивая что-то, из-под плаща невзначай мелькнули ножны с торчащими рукоятками мечей. Я уставился на них.

Меч и ножны. Seriously?

Лица второго похитителя не было видно полностью, узкая прорезь надетой маски показывала лишь темные карие глаза — спокойные и безучастные — да тонкие губы. Он повернулся к нам боком, и за его спиной я также заметил закрепленные ножны. На стоянке они точно были без мечей.

Неужели настоящие?

Второй похититель держал в руках продолговатый контейнер. Первый со щелчком откинул крышку контейнера, сделал пометку в папке и достал шприц. И начал планомерный обход: он по очереди подходил к каждому, брал шприц, наклонялся и делал инъекцию в шею. Никто не сопротивлялся — по всей видимости, сознание плохо функционировало не у одного меня.

Парень слева еле заметно зашевелился, чем привлек мое внимание, а затем медленно наклонился ко мне и, осторожно проведя ладонью по ноге, сунул что-то в карман джинсов. Я скосил глаза, силясь понять, что это.

Резкий окрик отвлек меня — похитители заметили движение в нашем углу. Оба остановились и уже повернулись к нам. Парень, побледнев, стал что-то гневно орать. Я, конечно, не понимал ни слова, но, кажется, это был тот же язык, на котором между собой общались похитители.

Дальше все происходило очень быстро.

Похититель, державший папку, резко обнажил меч, в два прыжка очутился возле нас и, размахнувшись, по самую рукоять вогнал клинок в грудь парня. Тот вскрикнул и, нелепо взмахнув руками, рухнул на пол.

Запахло кровью.

Я замер. Да, за свою жизнь я повидал много насилия, но никогда не видел смерть так близко. По телу пробежала легкая дрожь. Хотелось кричать, но я не мог выдать ни звука, хотелось помочь, но я был бессилен.

Александр, во что вы вляпались?

Моменты фиксировались, как в замедленной съемке: вот кто-то истошно завизжал, вот дернулась рука несчастного в последней предсмертной судороге, вот кого-то с хлопаньем вырвало. Не гул, а легкий стон ужаса прошелестел в грузовике.

Похититель достал клинок из мертвого тела, посмотрел на меня и нахально улыбнулся. Второй покачал головой, как бы не соглашаясь со своим напарником, но затем пожал плечами и, подойдя ко мне вплотную, вогнал шприц в шею. Спустя секунду я почувствовал, как по жилам растекается огонь. Вены начали вскипать. Сердце забило в странном ритме, то ускоряясь, то замедляясь. Но не успел я еще больше перепугаться, как все прошло. Я поднял дрожащую руку.

Неимоверно четкая.

Первый вернулся к своей папке и произнес, будто ничего не случилось:

— Александр. Светлые волосы, глаза голубые. Награды за спортивные достижения, есть татуировка на левой части груди. Преподает шахматы детям. И все? Да, скучновато. Тоскливая у тебя жизнь, лишний, — сказал он, подняв голову от папки. — Тебя здесь не должно быть. Ты здесь лишний, и я буду звать тебя так. Понятно, Лишний?

Я ничего не ответил, хотя внутри меня начал подниматься гнев. Да, меня тут не должно быть. Но никто не давал ему права называть мою жизнь скучной. Похититель скривился и посмотрел на моего соседа справа.

— Эжен. Рыжий. Проблемы со зрением. Ботаник, разбирается в растениях. Телосложение спортивное. Возраст: двадцать один год по человеческим меркам, — ровным голосом перечислял он. — Буду звать тебя Рыжим или Ботаником, как больше нравится?

— Рыжий лучше, — вмешался второй. — Проще запомнить.

— Отлично, продолжим, — раздраженно бросил тот. — Иниго. Спортивное телосложение. Азиат. Награды за достижения в области спорта. Отлично фехтует. Умеет обращаться со всеми видами холодного оружия. М-м-м, Азиат?

Иниго был последним, кому ввели инъекцию. Закончив свою работу, второй захлопнул контейнер и вышел. А тот, что был с папкой, обратился к нам. Его размеренный, но хорошо поставленный голос молотком отдавался в голове.

— Добро пожаловать! Через пару часов мы доберемся до пункта назначения, где вы получите дальнейшие инструкции. И в вашей группе двое лишних... точнее, уже один лишний, — с легкой улыбкой пробормотал он, зачеркивая что-то в своих бумагах. — Ну что ж, желаю удачи!

Он достал из кармана зубочистку, медленно вставил ее в уголок рта и с самодовольным видом удалился наружу.

Мы снова погрузились в полумрак.

Как только грузовик тронулся с места, Эжен глухо произнес:

— Только я его понял? Или вы тоже?

Я медленно повернул голову в его сторону. Челюсть до сих пор невыносимо болела. Эжена трясло. Он с ужасом смотрел мимо меня, впившись взглядом в тело парня, которого только что убили у всех на глазах. Тело так и осталось лежать. И он был не единственным, кого накрыло ужасом. Кажется, я даже услышал, как кто-то тихо, но отчаянно читает молитву. Эжен перевел взгляд на меня и очень просто произнес:

— Я Эжен. Нехило тебя приложили.

— Александр, — еле слышно отозвался я и поморщился от боли.

— Иниго, — подал голос парень, которому последним ввели инъекцию.

Он сидел напротив и тоже выглядел напуганным. К своему удивлению, я услышал в его произношении легкий акцент.

Что же происходит? Куда мы направляемся? Почему мы здесь и кто эти люди, увешанные оружием? Я закрыл глаза и постарался не поддаваться панике. Я должен был думать о том, как защитить Киру.

Масляная лампа резко задрожала.

Я уставился на нее. Огонек, плясавший на тонком фитиле, вспыхнул зеленым светом, а затем сменился фиолетовым.

По моим рукам пробежали мурашки, а волосы встали дыбом. Эжен замер на полуслове. И не только он — воздух словно сгустился, и любой вдох давался с трудом. Это про-

должалось несколько долгих секунд, а потом мы словно выплыли из тягучей желейной атмосферы.

Я сделал глубокий вдох и закашлялся. Ребята тоже кашляли. Один из них интенсивно чесал лицо, а потом расхохотался. Его руки и лицо были в крови.

Я поежился и посмотрел на лампу.

Желтый огонек масляного фитиля ровно освещал нашу компанию.

А затем грузовик слегка тряхнуло, и он остановился.